

Глава 24. Неуважение

— Я и не собирался возвращаться!

Цзянь Аньжань даже не взглянул на беснующуюся Гао Цуйлань. Он знал, что его жизнь теперь пойдёт в гору, а вот этой парочке — Цзянь Даню и его супруге — скоро придётся сполна заплатить за каждое брошенное сегодня слово.

Видя, что племянник ни в грош её не ставит, Гао Цуйлань снова зашла в истерику. Она прыгала на месте, изрыгая потоки отборной брани. Ло Вэй, впервые наблюдавший подобное «представление», был искренне поражён. В его взгляде, устремлённом на Цзянь Аньжана, прибавилось сочувствия.

— Пойдём, — негромко сказал он юноше.

Цзянь Аньжань кивнул. Он сунул вещи в карман, спустился вслед за Ло Вэем, забрал у Старой госпожи Цзянь домовую книгу, и они уехали.

Гао Цуйлань, всё ещё не успокоившись, выскочила на балкон и кричала проклятия вслед машине, пока та не скрылась из виду.

— И как мы только выкормили такого неблагодарного волка! — в сердцах бросила она мужу.

— Замолчи! Уймись уже! — огрызнулся Цзянь Дань.

Он повидал в жизни всякое, и сейчас его терзало смутное беспокойство. Уж слишком уверенно вёл себя племянник. Вся эта ситуация казалась ему странной и пугающе непонятной.

Машина плавно катилась по дороге. Цзянь Аньжань долго смотрел на проплывающие мимо зелёные поля, а затем внезапно спросил:

— Дядя, куда мы сейчас?

— Сначала в посёлок, — ответил Ло Вэй. — Сделаем все необходимые справки и вернёмся в город S.

— Хорошо.

Юноша кивнул и снова отвернулся к окну, подставив Ло Вэю лишь затылок. Его одинокий,

застывший силуэт заставил сердце мужчины сжаться.

— У тебя есть место, куда ты хотел бы заехать? — не удержался он от вопроса.

— Я... — Аньжань помедлил. — Я хотел бы навестить папу и маму.

Раз уж он занял тело сына Цзянь Пина и его жены, то должен был исполнить свой сыновний долг.

— Хорошо. На кладбище, — скомандовал Ло Вэй.

Водитель тут же свернул на перекрёстке, и через полчаса они прибыли к воротам Кладбища «Аньси» в посёлке Цинтянь.

Дорога к некрополю была обсажена густыми кипарисами. Возле входа теснились лотки торговцев. Цзянь Аньжань вышел из машины, купил букет белых хризантем, бумажные деньги и ритуальный набор со сладостями, свечами и фруктами.

Миновав ворота, он, как того требовали правила, сжёг бумажные деньги в специально отведённом месте. Держа в одной руке цветы, а в другой подношения, он поднялся по ступеням и в дальнем, заросшем соснами углу нашёл серый от пыли надгробный камень.

«Папа, мама, я пришёл навестить вас», — мысленно произнёс он.

Аньжань зажёл свечи, расставил фрукты и сладости перед надгробием и замер в безмолвной молитве.

«Дядя Цзянь, тётя Цзянь. Хотя моя душа пришла из другого мира, я буду заботиться о бабушке и сделаю всё, чтобы жизнь вашего сына была счастливой. Я буду приходить сюда. Обещаю: пока я жив, здесь всегда будут свежие цветы».

Закончив, Аньжань хотел было опуститься на колени для поклона, но увидел приближающегося Ло Вэя с четырёхлитровой бутылкой воды в руках.

— Директор Ло...

— Держи. Омой памятник своим родителям.

Ло Вэй протянул ему воду и пачку влажных салфеток.

— Я только что поговорил с администрацией. В следующем месяце они укрепят фундамент, заменят ограду на мраморную и обновят само надгробие.

— Спасибо за доброту, директор Ло. Как только я начну работать, я обязательно верну вам деньги!

— Между нами не должно быть таких счётов, — с мягким упрёком напомнил Ло Вэй.

Но Аньжань был непреклонен:

— Это мои родители. Заботиться о них — моя обязанность.

Видя такую настойчивость, Ло Вэй лишь вздохнул:

— Ладно. Я запишу это в долг, сочтёмся позже.

— Спасибо, директор Ло! — Цзянь Аньжань просиял.

Он поднял бутылку и начал медленно лить воду на камень, смывая многолетнюю пыль. Когда грязь сошла, он тщательно вытер надгробие салфетками, уделяя особое внимание фотографиям и надписям.

Ло Вэй с теплотой наблюдал за ним, радуясь его искренности. Но внезапно он заметил одну деталь и прищурился.

В самом низу памятника Цзянь Пина значилось лишь: «Жена из рода Цзянь». А на камне его супруги и вовсе было высечено: «Супруга Цзянь, урождённая Цзянь».

— Аньжань, — негромко произнёс Ло Вэй. — Я думаю, памятники нужно переделать полностью.

Юноша и сам заметил неладное. Он помрачнел и кивнул:

— Да. Эти надписи — сплошное неуважение.

— Ты хороший сын, — сказал Ло Вэй. — К сожалению, здесь к такому привыкли и даже не понимают, насколько это оскорбительно.

— Думаю, родственники сделали это нарочно! — гневно бросил Аньжань.

Закончив обряд, они направились в администрацию кладбища. Сотрудник встретил их очень вежливо. Когда цена была согласована, Аньжаня попросили оставить фотографии родителей. Подумав, он вытащил из кошелька старый, бережно хранимый снимок, где отец и мать были вдвоём, и торжественно передал его работнику.

Тот принял фото. Ло Вэй, стоявший рядом, мельком взглянул на снимок — и застыл. Его словно ударило током, взгляд на мгновение стал отсутствующим.

Тем временем сотрудник начал записывать данные. Когда дошли до имени матери, Аньжань замешкался, пытаясь вспомнить, но Ло Вэй опередил его:

— Её звали Цзян Мэнмэн. Иероглиф «Мэн» с ключом «трава», а под ним «солнце» и «луна».

— Так... Цзян Мэнмэн... — бесстрастно повторил регистратор.

Лицо Цзянь Аньжаня мгновенно изменилось. Стоило им выйти из здания, как он резко обернулся к Ло Вэю:

— Вы тайно наводили обо мне справки?!

— Прости, — тихо извинился Ло Вэй.

Услышав это, Аньжань вдруг горько усмехнулся:

— Глупо с моей стороны. Чего я ожидал? С вашим-то положением... Даже если бы вы не приказывали, ваши люди всё равно вывернули бы мою жизнь наизнанку.

— Пожалуйста, не надо так...

Ло Вэю стало не по себе от того, как быстро юноша «всё понял». Он хотел было обнять его, но Аньжань холодно отстранился.

— Директор Ло, мне сейчас нехорошо. Я хотел бы побыть один.

— Хорошо. Водитель отвезёт тебя в отель, отдохни, — мягко сказал Ло Вэй. — Поужинаем вместе.

— Спасибо... — пробормотал Аньжань. Ему вдруг показалось, что он ведёт себя слишком капризно.

К пяти часам вечера Ло Вэй собрал все необходимые документы. Вернувшись в отель, он обнаружил юношу спящим на кровати. Рядом мерцал экран раскрытого ноутбука.

«Совсем себя не бережёт», — вздохнул Ло Вэй.

Он наклонился, чтобы выключить компьютер, но Аньжань внезапно вскочил, едва не закричав:

— Не выключайте! Я ещё не сохранил!

— Ой, прости, — Ло Вэй тут же отпрянул.

Аньжань протёр заспанные глаза и, осознав, что только что наорал на Ло Вэя, побледнел как полотно:

— Директор Ло... Я не... Я просто...

— Всё в порядке, я привык.

Ло Вэй держался невозмутимо, но Аньжань места себе не находил. Захлопнув крышку ноутбука, он подошёл к мужчине, заглядывая ему в глаза:

— Я правда не со зла, вы только не подумайте...

— Любую твою оплошность я готов простить и забыть, — успокоил его Ло Вэй.

Но Аньжань всё ещё нервничал. Пытаясь загладить вину, он спросил:

— Директор Ло, я недавно научился варить кофе. Хотите чашечку?

Мужчина почувствовал подвох.

— Аньжань, — негромко сказал он, пока тот ставил воду. — Тебе что-то от меня нужно?

— С чего вы взяли? — Юноша выдавил вымученную улыбку.

Теперь Ло Вэй был уверен: у мальчика есть к нему просьба.

— Аньжань, мы знакомы не первый день. Ты же знаешь, я не люблю, когда меня держат за дурака. Если что-то нужно — говори прямо, не ходи вокруг да около.

— Что ж... Скажу как есть.

Юноша решился. Он достал из кармана тот самый футляр, который забрал из дома дяди.

— Этот браслет — единственная память, что осталась от мамы. Но он разбит. Я хочу его починить.

— Починить браслет?

Ло Вэй ожидал чего-то запредельного — например, просьбы вышвырнуть Ло Нина из семьи, — но всё оказалось гораздо проще.

— Да. Я хотел попросить вас найти мастера. Пока вас не было, я осмотрел его: он разбит на несколько частей. Чтобы соединить их, понадобится золотой каркас, а это стоит немалых денег...

— Это доброе дело, и я с радостью тебе помогу, — Ло Вэй коснулся волос юноши. — Покажи мне его.

Цзянь Аньжань открыл футляр. Комнату мгновенно залило холодным изумрудным сиянием.

Даже Ло Вэй, видевший за свою жизнь немало сокровищ, невольно задержал дыхание.

— Это же...

Браслет его матери был выполнен из императорского зелёного жадеита высшего качества. А это значило лишь одно: мать Цзянь Аньжана почти наверняка была той самой Цзян Мэнмэн, которую он знал.

От этой иронии судьбы сердце Ло Вэя пропустило удар.

Аньжань, видя его молчание, подумал, что вещь совсем никудышная.

— Я знаю, он выглядит как дешёвка, слишком уж ярко-зелёный. Наверняка просто крашеное стекло, потому-то дядя с тёткой так легко его и отдали... Но директор Ло, даже если он ничего не стоит, для меня он...

— Этот браслет не «ничего не стоит», — перебил его Ло Вэй, не сводя глаз с камня. — Он стоит целое состояние. Просто твой дядя и его жена — дремучие идиоты.

Он осторожно взял Аньжана за руку.

— Ты знаешь, какая категория жадеита считается самой дорогой?

— «Старая яма»? «Ледяной»? — неуверенно спросил он.

Ло Вэй посмотрел на него со всей серьёзностью:

— Самый редкий и ценный вид называют «Императорским зелёным». У него такой густой цвет, что кажется, будто он истекает маслом. Изумрудный с едва заметным синим подтоном, без единого изъяна. Каждое такое изделие уходит с молотка за баснословные суммы. В прошлом году на аукционе «Кристис» кольцо похожего оттенка продали за сто тридцать миллионов!

Цзянь Аньжань остолбенел. Он долго не мог прийти в себя, а когда дар речи вернулся, лишь прошептал:

— Директор Ло... Вы хотите сказать, что мамин браслет — «императорский»? И он... стоит миллионы?!

<http://bllate.org/book/17539/1705384>